

Раздел 2

АНТИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫМИ ЗРЕЛИЩАМИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ, ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города¹

А.Ю. Можайский

В статье дана характеристика упоминания рек и ворот Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида и показано, как происходило совмещение топографии с историческими и мифологическими смыслами в массовом сознании греков классического периода. Сведения нарративной традиции соотнесены с археологическими данными и топографическими характеристиками Фив, в особенности акрополя Фив – Кадмеи. На наш взгляд, упоминание источника Дирке и реки Исмен в аттических трагедиях передает примерные западную и восточную границы Фив микенского времени. В отличие от мнения, высказанного еще Шобером и поддержанного Симеоноглу о том, что для Фив микенского (тусепаеап) времени семь ворот было бы слишком много, мы на основании литературной традиции, топографических и накопленных археологических данных считаем, что Кадмея позднего бронзового века могла иметь семь ворот.

Учитывая найденные в 2014 г. при раскопках Кадмеи фрагменты кратера Среднего Позднеэладского III Ц периода с изображением воинов, континуитет сюжетов вазописи с эпическими мотивами прослежен в 1200–1100 гг. до н.э. в Микенах, Фивах, Калаподи и в Кино. Эти сюжеты вновь обретают мощь в позднегеометрическом и архаическом искусстве, что подтверждает наличие устной традиции, которая отделяет микенскую эпоху от гомеровского времени. О том же говорят данные выявленных вокруг Кадмеи постдворцовых

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10001). Выражаю благодарность В. Аравантосу за возможность публикации фотографии кратера (см. с. 94), найденного в Кадмее в 2014 г., а также Д. Берману за присланные по моей просьбе страницы своей книги, касающиеся стен и ворот Кадмеи.

погребений в камерных гробницах, что были связаны с повторным использованием более ранних гробниц как мест памяти и/или поклонения первым погребенным.

Эта память о микенских временах в классический период, по-нашему, мнению являлась частью образовательной системы для широкой аудитории, что передавалась в том числе, через трагедии Эсхила и Еврипида, где по-нашему мнению, отразилось также городское образовательное пространство Фив с их монументами и культовыми местами, включая статусные погребения, в том числе среднеэлладского и микенского времен.

The article describes the mention of the rivers and the gates of Thebes in the tragedies of Aeschylus, Sophocles and Euripides and shows how the topography was combined with historical and mythological meanings in the mass consciousness of the Greeks of the Classical period. Information of the narrative tradition is correlated with the archaeological data and topographical characteristics of Thebes, in particular the acropolis of Thebes – Kadmeia. In our opinion, the mention of the source of Dirke and the river Ismenos in Attic tragedies conveys the approximate western and eastern borders of Thebes of Mycenaean time. Unlike the opinion expressed by Schober and supported by Symeonoglou that it would be too much for Thebes of the Mycenaean time to have seven gates, on the basis of literary tradition, topographical and archaeological data, we believe that Kadmeia of the Late Bronze Age could have seven gates.

Taking into account the fragments of the krater of the Late Helladic IIIC Middle which depicting warriors and were found during the excavations of Kadmeia in 2014, the continuity of the epic motifs of the vase painting was traced in 1200–1100. BC. in Mycenae, Thebes, Kalapodi and in Kino. These subjects regain their power in Late Geometric and Archaic art, which confirms the oral tradition that separates the Mycenaean epoch from Homeric times. The same is shown by the findings of the postpalatial burials in the chamber tombs discovered around the Kadmeia, which were associated with the re-use of earlier tombs as places of memory and / or worship of the first buried. This memory of the Mycenaean times in the Classical period, in our opinion, was a part of the educational system for a wide audience, which was also reproduced through the tragedies of Aeschylus and Euripides, which also reflected the city educational landscape of Thebes with their monuments and places of worship, including status burials of Middle Helladic and Mycenaean times.

В позднеархаической и классической Беотии находилось большое количество микенских памятников, материальная культура которых должна была заставлять жителей этой области задумываться об общем «героическом» прошлом. Монументы или места, где по преданиям были такие монументы, имели образовательную функцию для беотийцев. Микенские руины в Фивах, Орхомене, Гла должны были приводить в трепет жителей Беотии и могли быть предпосылкой к племенной консолидации. Иллюстрацией этому может служить

фиванский цикл мифов о Кадме, Лабдакидах и, конечно, Геракле. Пласты наследия позднего бронзового века самым причудливым образом сплетались с наследием раннего железного века и раннего архаического времени. Так, Геродот (Hdt. 5.59) сообщает, что он видел в святилище Аполлона Исмения в Фивах кадмейские письмены (Καδμεία γράμματα), которые были начертаны на треножниках и в большинстве сходные с ионийскими (τὰ πολλὰ ὅμοια ἔοντα τοῖσι Ἴωνικοῖσι). Здесь мы видим не только отголоски предпосылки к племенной консолидации, но и к фиванской самоидентификации, когда мифологическое прошлое четко соответствует городской топографии.

Самым известным автором, соотнесшим мифологическое прошлое Фив с городской топографией, по праву может считаться Павсаний, писавший во II в. н.э. Однако как происходило совмещение топографии с историческими и культурными смыслами в массовом сознании греков классического периода? Нам представляется, что в значительной степени эту функцию выполняли знаменитые аттические трагедии, и чтобы это показать в отношении Фив, следует подвергнуть анализу произведение Эсхила, Софокла и Еврипида, соотнеся сведения нарративной традиции с археологическими данными и топографическими характеристиками Фив, в особенности акрополя Фив – Кадмеи.

Начнем с «Семерых против Фив» Эсхила. Описывая Кадмею, автор два раза (273; 308) упоминает источник Дирке (Δίρκη) и столько же раз (273; 378) реку Исмен (Ἰσμηνός). В этом отношении следует отметить, что такой центр, как Фивы, который в древности зависел от сельского хозяйства должен был отвечать двум главным условиям: наличию плодородной земли и достаточного количества воды¹. Местоположение Фив, как нельзя кстати, отвечает этим критериям. Аонийская равнина предоставляла хорошо пригодную для сельского хозяйства землю, и различные поселения возникли на ней, но только Фивы развились в крупный город. Симеонуглу относит это обстоятельство на счет неисчерпаемых запасов воды, которые позволили жителям Фив не просто возделывать землю, но заниматься масштабным сельским хозяйством². Самая крупная река – Агианни (древний Исмен) – к востоку от Кадмеи; вторая по размеру – Плакиотисса (древняя Дирке) – к западу, а самая малая – Хриссороас (древняя Строфия) – протекала между первыми двумя. Заметим,

¹ Bintliff J.L. Natural Environment and Human Settlement in Prehistoric Greece. – Oxford, 1977. – P. 111–116.

² Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. – Princeton, 1985. – P. 8–9.

что река Исмен упоминается у значительного количества древних авторов, включая названных в заглавии нашей статьи, а также у Павсания (9.9,2; 9.10,2.), Аполлодора (3.6,8) и др. То же можно сказать и о Дирке (для нашей темы наиболее важны упоминания у Софокла (Soph. Ant. 104; 844) и Еврипида¹), в то время как Строфию мы нашли лишь у Каллимаха (поэта III в. до н.э.) в гимне к острову Делосу (76). Как видно, Строфия практически не встречается в античной литературе: возможно, она была весьма мала и не считалась полноценной рекой по сравнению с Исменом, либо к классическому периоду Фивы весьма разрослись за пределы акрополя Кадмеи, и остатки стен Больших Фив заключали внутри себя даже часть реки Исмен, вероятно, и то и другое вместе. Как видно, Эсхил упоминает две главные водные артерии в Фивах: Исмен и Дирке, из которых Исмен является полноценной рекой, а Дирке – скорее источник (Δίρκης τε πηγαῖς у Эсхила (273)). На этом фоне более малый источник Строфия, затерявшийся в центре Фив времен Эсхила, не имел столь важного значения в топографии города для автора, как и мифологическая традиция, касающаяся нимфы Строфии, значительно меньше по объему, нежели традиция о жене царя Фив Лика – Дирке или Исмена.

Отметим еще один момент. В Фивах была известна могила Дирки, которая в классический период играла важную роль в утверждении на должность нового гиппарха Фив, соответственно существовал полноценный культ Дирки. Так, Плутарх (De Genio Socratis 5 (578В–С) в связи с событиями 379/378 г. до н.э. описывает следующий тайный ритуал: Гиппарх, который покидал свою должность, брал своего преемника под покровом ночи к могиле Дирки, там они проводили определенные ритуалы, остатки от которых они затем уничтожали и покидали место. Известны еще два ритуала, во время которых происходила смена официальных лиц в Фивах: один связан с культом Афродиты и включал ритуалы, проводимые уходящими полемархами, а также принесение клятв жрецами Деметры². Конкретное местоположение гробницы Дирки остается неизвестным до сего времени. Что касается наименования реки Исмена, то с ним связан культ Аполлона Исмения.

Интересно то, что когда Эсхил упоминает источник Дирке и реку Исмен, он передает примерные западную и восточную границы Фив микенского времени. Само поселение покрывало всю Кадмею,

¹ Все упоминания у Еврипида и других авторов подсчитаны в статье Бермана, где дана также интерпретация этим упоминаниям. См.: Berman D.W. Dirce at Thebes // Greece & Rome. – 2007. – Vol. 54. – No. 1. – P. 18–39.

² Schachter A. The Cults of Boiotia 1, BICS Suppl. 38. 1. – London, 1981. – P. 198.

которая имела стены, в то время как микенские погребения находились за пределами акрополя¹. Сама цитадель Фив – Кадмея – имеет грушевидную форму и крупные размеры (800 м в длину и 500 м в ширину), при этом она сравнительно низкая (максимальная высота над уровнем моря 224 м). В микенские времена (как и во времена Эсхила) это плато должно было быть немного уже, однако было потревожено перемещениями земли как в древности, так и в позднейшие времена. В микенское время холмы Амфейон, Каstellia, Исменион и колонаки, находящиеся на близком расстоянии (100–300 м) с северного, восточного и южного склонов Кадмеи соответственно, использовались как места для погребений². Таким образом, Каstellia и Исменион ограничены с востока рекой Исмен. Эти погребения были хорошо известны в классическое время и многие из них были вновь использованы в это время для каких-либо целей (в них найдена керамика классического периода), однако не обязательно для погребения³.

Затем Эсхил последовательно перечисляет семь ворот Фив: Претовы ворота (Προίτιδες πύλαι) (377; 395), Ворота Электры (Ἠλέκτραι πύλαι) (423), Неистейские ворота (Νηίσται πύλαι) (460), Ворота Афины Онки (Ὀγκαῖαι πύλαι) (487; 501), Северные ворота (Βορραῖαι πύλαι) (527), Гомолоидовы ворота (Ὀμολοῖδες πύλαι) (570), Седьмые ворота (Ἑβδόμαι πύλαι) (631; 714; 800).

Еврипид в «Финикиянках» также упоминает семь ворот, из которых пять совпадают с теми, что встречаются у Эсхила: Претовы (1109), Ворота Электры (1129; 1570), Неистейские ворота (1104), Гомолоидовы ворота (1119) и Седьмые ворота (1134). Однако Северные ворота и ворота Афины Онки у Еврипида отсутствуют. Вместо них автор упоминает Огигиевы ворота (Ὠγύγιαι πύλαι) (1113) и ворота Источника (Κρηναῖαι πύλαι) (1123).

Керамопуллос убедительно показал, что семь ворот Фив, упоминаемые древними авторами, относятся к фиванскому акрополю, а не к Большим Фивам классического города. Его схема расположения ворот коррелирует с семью традиционными выходами из Кадмеи и в основном базируется на археологических данных более поздних периодов, нежели микенского времени, в том числе на средневековых

¹ Fossey J.M. *Topography and Population of Ancient Boiotia*. – Chicago, 1988. – P. 203.

² Dakouri-Hild A. *Thebes // The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean / Ed. Eric H. Cline*. – Oxford, 2010. – P. 690.

³ Symeonoglou S. *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. – Princeton, 1985. – P. 52.

остатках (франкские башни)¹. Керамопуллос считал, что в микенский период Фивы действительно имели семь ворот. Последующие ученые усомнились в этом. Так, Шобер высказал мнение, что семь ворот Кадмеи в микенский период значительно ослабили бы фортификацию². Симеоноглу развивает сомнения Шобера, отмечая, что семь ворот было бы слишком много для Фив микенского периода³. Микены имели лишь двое ворот, причем одни из них были малыми. Кадмея, тем не менее, значительно больше, нежели цитадель Микен, и двое ворот кажется малым количеством для населения такой территории. Цитадель Гла, которая сравнима по размерам с Кадмеей, имела четверо ворот. Таким образом, Симеоноглу заключает, что и Фивы микенского времени должны были иметь четверо ворот в четырех концах Кадмеи. На археологическом плане Фив, который содержится в работе Симеоноглу, это места 7, 9, 104 и 19, и все они ведут к крупным дорогам. Средневековые башни существовали в местах 9 и 19, кроме того остатки ворот классического периода с башнями находятся в месте 7. Трое из этих мест (7, 9, 104) должны были иметь ворота во времена Павсания⁴.

Нам кажется сомнительным заявление о том, что Фивы не должны были иметь больше ворот, чем цитадель Гла. Оно сделано лишь на сопоставлении размеров укреплений, но игнорирует топографию и функцию этих мест. Разберем данный вопрос подробнее. Действительно, что касается размеров микенских цитаделей, то цитадель в Микенах имеет площадь в 3 га, несколько меньше – в Тиринфе. Таким образом Фивы и Гла стоят особняком, по своим размерам укреплений. Занятые ими территории (Гла – около 20 га, примерно

¹ Keramopoulos A. *Ἐπιβαίκα* (Archaeologikon Deltion 3). – Athens, 1917. – P. 300–312; 464–478. Вопрос о воротах Фив рассматривался еще до Керамопуллоса и включал работы: Forchhammer P.W. *Topographia Thebarum heptapylarum*. – Kiel, 1854; Fabricius E. *Theben: eine Untersuchung über die Topographie und Geschichte der Hauptstadt Böotiens*. – Freiburg i.B., 1890; Gomme A.W. *The literary evidence for the topography of Thebes* // BSA 18, 1910. – P. 29–53. Сравнительные выводы этих и ряда последующих исследований вплоть до 90-х гг. XX в., включая реконструкцию расположения ворот Фив в книге D.J. Mastrorarde (ed.). *Euripides Phoenissae*. Cambridge, 1994, содержится в работе Berman D.W. *Myth, Literature, and the Creation of the Topography of Thebes*. – Cambridge, 2015. – P. 162–175.

² Schober F. *Thebai, Topographie und Geschichte* // Real Encyclopädie vol. V, part A2, 1934. – P. 1429.

³ Symeonoglou S. *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. – Princeton, 1985. – P. 32–34.

⁴ *Ibid.* P. 34.

столько же – укрепления Кадмеи) почти в семь раз превосходят общую площадь Микенской цитадели и в десять раз Тиринфской.

Безусловно, такая диспропорция размеров поселений привлекала внимание исследователей, и они пытались предложить объяснение феноменальным размерам цитадели Гла. Так, выдающийся отечественный исследователь Ю.В. Андреев подчеркнул: «Дворец и другие помещения, обнаруженные внутри стен цитадели, занимают лишь незначительную часть этой территории, оставляя совершенно свободным большое пространство. В отличие от Микен и Тиринфа, Гла служила, по всей видимости, не только и не столько местом обитания царской семьи, сколько убежищем на случай военной опасности для жителей соседних селений, совместными усилиями которых она, вероятно, была воздвигнута»¹. Однако в последнее время на основе недавних раскопок и гидрогеологических исследований было выдвинуто альтернативное понимание предназначения этой цитадели, учитывая ее физико-географическое окружение. Дело в том, что в конце XIX в. французские и британские инженеры осушили Копайдское озеро. Исследователи были немало удивлены, когда обнаружили систему древних дамб, частично связанных с островной микенской цитаделью Гла на северо-востоке озера. Соответственно, была выдвинута гипотеза о том, что микенцам из цитадели удалось осушить все озеро или его большую часть. Периодические раскопки и другие исследования дамб проводились на протяжении первой половины XX в., но широкомасштабные раскопки в Гла под руководством Спироса Яковидиса и германские гидрогеологические и археологические исследования были проведены здесь только начиная с 1980-х гг.² Стало очевидно, что микенцы смогли построить большой канал вдоль северной стороны озера, и, возможно, второй канал вдоль южной и восточной сторон озера. Эти каналы с дамбами были предназначены для отведения воды из озера на прилегающие территории, в том числе, в естественные известняковые воронки, что существуют неподалеку на северо-восточной границе озера. Благодаря этому значительная осушенная часть озера была пригодна для се-

¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи / Вступ. ст. Ю.А. Виноградова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. – С. 65.

² Iakovidis S. Glas II. Anaskafi 1981–1991. – Athens, 1998; Iakovidis S. Gla and the Kopais in the 13th Century B.C. – Athens, 2001; Knauss J. Die Melioration des Kopaisbeckens durch die Minyer im 2. Jt.v. Chr. Kopais 2. – München, 1987; Kalcyck, H.-J. and J. Knauss. The Munich Kopais-Project // *Boeotia Antiqua* 1 / ed. J.M. Fossey. – Amsterdam, 1989. – P. 56–71.

зонного сельскохозяйственного возделывания. Эти инженерные работы требовали больших усилий, поскольку общая длина этих древних насыпей сегодня составляет около 200 км, а ширина внутренней части канала около 30 м. С внешней стороны дамба была укреплена хорошо подогнанными камнями. Насыпи, по которым также могли двигаться колесницы совмещались с цитаделью Гла. Последние раскопки в цитадели подтвердили прежние впечатления о том, что значительная часть территории внутри – пуста, а бытовых остатков – немного. Т.е. здесь не обнаружено следов городской застройки или крупного дворцового комплекса. Зато в центре острова большая огороженная, ровная область содержала хранилища, в основном для зерна, наряду с жилыми помещениями и мастерскими. На самой высокой точке цитадели были размещены монументальные строения, которые Яковидис интерпретировал как резиденцию командующего гарнизоном и заведующего запасами зерна. Джон Бинтлиф считает, что если Гла сама по себе не была городом или государственным центром, но являлась военной базой с крупными зерновыми хранилищами, то она должна была относиться к ближайшему крупнейшему микенскому центру – Орхомену, который находился с северо-западной стороны озера¹. Согласно античной традиции, Орхомен был врагом Фив. Учитывая то, что, по-видимому, Гла не была административным центром микенского царства и не была местом проживания населения, а также ее положение на острове, а вовсе не на перекрестке путей, как Фивы, то и наличие большого количества ворот для такого места не требовалось. Вероятно, что ворота цитадели Гла были связаны с системой дамб и каналов, в то время как административному центру Фивам, с их большим населением и положением на перекрестке естественных путей, требовалось больше ворот. Рассмотрим эти пути.

В древности, как и сейчас, Фивы (современный город Thíva) находился на перекрестке различных путей, и таким образом город совершенно естественно соединял дороги из северной Аттики и Оропа (по дороге из Танагры), из Халкиды, из Северной Греции (через Восточную Локриду, по северной стороне Копайдского озера), из Западной Греции (через Дельфы и южную сторону Копайдского озера, а также из Западной Аттики, Пелопоннеса и Истма (все пути через Мегариду). Кроме того, здесь соединялись пути из беотийских прибрежных регионов, с юго-запада (порты Феспий, Фисба и Хорсии), с севера (Анфедон) и с востока (Делий и другие части танагрейского

¹ Bintliff J. The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD. – Oxford, 2012. – P. 191–192.

побережья, как, например, Авлида)¹. На наш взгляд, учитывая такой узел путей, сходящийся в Фивах, этот центр позднего бронзового века вполне мог иметь все семь ворот, упоминаемые в аттических трагедиях V в. до н.э., тем более, что размеры Кадмеи это вполне позволяли.

Кроме того, даже совсем небольшая микенская цитадель Тейхос Димэон (Teichos Dymaion) (длина окружности стен всего ок. 190 м – окружают всего около 1 га площади), рядом с мысом Араксос в Ахее, имела трое ворот, а юго-восточные главные ворота были фланкированы башней, присоединенной с северо-восточной стороны². Более того, археология представляет нам экземпляры ворот, фланкированные двумя башнями, как например, южные – главные ворота микенского акрополя Эфиры (Ephyra) в Эпире³. Таким образом, мы видим примеры весьма укрепленных ворот, да и ворота в Микенах и Тиринфе расположены под углами к стенам и, таким образом, фланги атакующих открыты для огня обороняющихся. Кроме того, наличие дополнительных ворот могло позволить оборонявшимся использовать их для неожиданных вылазок против нападающих⁴. Таким образом, аргументы Шобера и Симеониду о том, что в Кадмее позднего бронзового века не могло быть семи ворот, кажутся нам несостоятельными.

Что касается остатков фортификации Кадмеи периода позднего бронзового века, то они были найдены в разных местах вдоль северного и восточного склонов. Однако наилучшее свидетельство представлено результатами раскопок на юго-восточном склоне Кадмеи, где в 1984 г. был найден фрагмент стены толщиной 4.20–5 м, и длиной 13.50 м. Примечательно, что эта стена имела остатки прямоугольной башни или бастиона⁵. Таким образом, весьма вероятно, что это был бастион ворот. По оценке Аравантиноса, стена Кадмеи была воздвигнута в конце XIV в. до н.э., или на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. ок. 1300 г. до н.э. и оставалась до последних лет XIII в. до н.э. в той форме, какую

¹ Fossey J.M. *Topography and Population of Ancient Boiotia*. – Chicago, 1988. – P. 200.

² Papadopoulou Th.J. *Mycenaean citadels of Western Greece: architecture, purpose, their intricate role in the local communities and their relations with the West // Aegaeum (Annales d'archéologie égéenne de l'Université de Liège et UT-PASP)*, 41 / eds. A. Vlachopoulos, Y. Lolos, R. Laffineur, M. Fotiadis. – Leuven-Liège, 2017. – P. 421.

³ Ibid. P. 422.

⁴ Peatfield A. *Minoan and Mycenaean Warfare // The Ancient World at War / ed. Philip de Souza*. – London. – P. 95.

⁵ Aravantinos V. Η μυκηναϊκή οχύρωση της Καδμείας: προκαταρκτική ανακοίνωση // Α' Διεθνές Συνέδριο Βοιωτικών Μελετών (Θήβα, 10–14 Σεπτεμβρίου 1986) / ed. Alexandros Bekiaris. Vol. A: α. – Athens, 1988. – P. 113–136.

она имела с момента возведения. Для нас наиболее важно наличие бастиона или башни, что указывает на наличие ворот в этом месте, в начале современной улицы Эдипа.

Можно ли привязать это место к каким-либо воротам, упоминаемым в трагедиях? Башни или бастионы обычно устанавливались в слабых местах стены и чаще всего перед входом в цитадели. Здесь же находится естественный выход из Кадмеи и старый мост, который ведет к возвышенностям Исмена. Позиция этого выхода в середине восточного склона Кадмеи теоретически была обоснована еще Керампулосом, куда он поместил Гомолоидовы ворота¹. В свете открытия здесь в 1984 г. стены с бастионом, ассоциация Гомолоидовых ворот с этим местом Кадмеи получила дополнительные аргументы. Но почему Гомолоидовы, а не какие-либо другие?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к сочинению Павсания, автора II в.н.э. Дело в том, что, используя сведения Павсания и соотнеся их с археологическими и топографическими данными, собранными Керампулосом, Семионоглу, Аравантиносом и другими исследователями, можно привязать довольно много имен, данных Павсанием к конкретным местам. Павсаний сначала называет те ворота, которыми он пользовался во время своего визита в Фивы: Электры, Претовы и Неистейские. Из контекста произведения становится ясно, что ворота Электры находились по дороге в Платеи и здесь Керампулос раскопал ворота классического времени. Претовы ворота должны были находиться по дороге в Халкиду, а Неистейские – по дороге в Кабирион (святилище Кабириов). Ворота упоминаются древним автором в направлении против часовой стрелки. Местоположение остальных ворот, также упомянутых против часовой стрелки, может быть следующим: ворота Источника, вероятно, находились рядом с Дирке (у современного источника Парапорти), к югу от Неистейских ворот. Упоминаемые Павсанием ворота Гипсисты (в переводе – Высочайшие) (Υψίσται), вероятно, должны были быть на высокой точке около южной оконечности Кадмеи, где располагалось святилище Зевса Гипсиста (Paus. 9.8.5). Керампулос помещает храм Зевса Гипсиста на самую высокую точку Кадмеи на место, где сейчас находится

¹ Keramopoulos A. Θηβαϊκὰ (Archaeologikon Deltion 3). – Athens, 1917. – P. 475–477. Симеоноглу (Op. cit. – P. 35–38) не соглашается с Керампулосом и считает, что Гомолоидовы ворота гипотетически следует поместить на пересечении современных улиц Пелопида и Антигоны и это ворота еще среднеэладского периода (ок. 2000–1600 гг. до н.э.), что выглядит, на наш взгляд, совершенно невероятным в свете накопленных археологических данных.

Рис. 1. Реконструкция местоположения ворот Фив и других монументов относительно современной карты

церковь Агиос Андреас, построенная в 1959 г¹. Таким образом, в этой точке Павсаний заканчивает полный круг, возвращаясь опять к воротам Электры, где Керамопуллос раскопал ворота классического – ранне-эллинистического времени². Это однозначно те ворота Элект-

¹ Keramopoulos A. *Θηβαϊκὰ* (Archaeologikon Deltion 3). – Athens, 1917. – P. 337. Ср.: Symeonoglou S. *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. – Princeton, 1985. – P. 36, 296.

² Keramopoulos A. *Θηβαϊκὰ* (Archaeologikon Deltion 3). – Athens, 1917. – P. 7–32. Сам Керамопуллос, учитывая историю Фив и непо потревоженную Керамику, по-видимому, относящуюся ко времени строительства западной башни, относил конструкцию башен ко времени восстановления Фив Кассандром в 316 г. до н.э., но, как отмечает Симеоноглу (Op. cit. – P. 236) – примыкающая к западной башне стена из содомной кладки в 2 м толщиной могла быть классического времени.

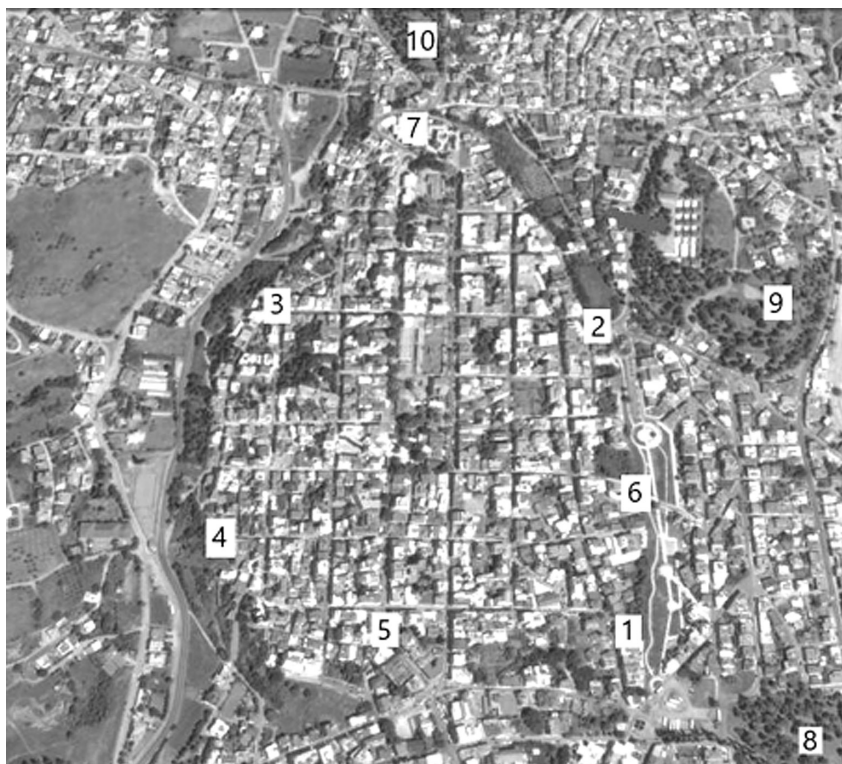

Рис. 2. Реконструкция местоположения ворот Фив и других монументов относительно современного ландшафта.

Ключ к рисункам 1 и 2:

- 1 – ворота Электры. 2 – Претовы ворота. 3 – Неистейские ворота. 4 – ворота Источника. 5 – ворота Гипсистой (или Онки?). 6 – Гомолоидовы ворота. 7 – Северные (или Огийевы?) ворота. 8 – святилище Аполлона Исмения (холм Исменион). 9 – холмы Каstellia. 10 – холм Амфейон

ры, что видел Павсаний, поскольку он упоминает налево от ворот Электры священное место, связанное с Гераклом (Paus. 9.11.1-6), которое Аравантинос раскопал в точности соответственно местоположению, указанному Павсанием¹.

¹ Aravantinos V. Το Τέμενος του Ηρακλέους στη Θήβα // Αρχαιολογικές Σύμβολες Τόμος Γ: Βοιωτία & Εύβοιας / ed. S. Oikonomou. – Athens, 2015. – P. 85–106; Aravantinos V. The sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios at Thebes: new evidence // Interpreting the Seventh Century BC. Tradition and Innovation / eds. X. Charalambidou and C. Morgan. – Oxford, 2017. – P. 218–227.

Павсаний упоминает также Огигиевы и Гомолоидовы ворота, но определить их возможное местоположение сложнее. Симеонуглу отмечает, что если располагать их против часовой стрелки, то получится, что они должны были располагаться где-то между воротами Электры и Претовыми¹. Вполне вероятно, что Керамопулос прав, помещая здесь Гомолоидовы ворота, поскольку есть надпись указывающая на существование культа Зевса Ὀμολώϊος (*IG* 7:2456)². Кроме того, Керамопулос допускает, что Огигиевы ворота – это те же Северные ворота и это логично, учитывая, что у Эсхила Северные ворота есть, а у Еврипида нет, но у Эсхила нет Огигиевых, что есть у Еврипида. Если это Северные ворота, то их следует поместить на северной оконечности Кадмеи у современного археологического музея. Берман полагает, что Эсхил придумал название Северные ворота для своей трагедии и что неизвестно, были ли на этом месте действительные ворота, поскольку нет археологических доказательств существования здесь древних ворот³. Однако даже если Эсхил придумал название Северные ворота для этого места, то альтернативное имя может представлять Огигиевы⁴. Что касается возможности самого существования здесь ворот, то в отличие от Бермана, мы как раз используем текст Эсхила (*Seven*. 526–528) для доказательства того, что ворота в северной части Кадмеи были.

τὸν δὲ πέμπτου ἀὶ λέγω,
 πέμπταισι προσταχθέντα Βορραΐαις πύλαις,
 τύμβου κατ' αὐτὸν Διογενοῦς Ἀμφίονος.
 А теперь о пятом речь,
 Направленном к воротам пятым, северным,
 Где отпрыск Зевса, Амфион, в гробу лежит.

(Пер. С.К. Анна)

Эсхил дает здесь прямое указание на холм Амфейон, который находится с северной стороны Кадмеи и где известны микенские погребения⁵. Для Бермана Эсхил здесь упоминает холм Амфиона, чтобы

¹ Op. cit. – P. 36.

² Op. cit. – P. 472, 475.

³ *Berman D.W.* The Double Foundation of Boiotian Thebes // *TAPhA* 134, 2004. – P. 8–9.

⁴ Мы допускаем, следуя Берману, что название «Северные» могло просто означать ворота, ассоциированные с северной стороной и не быть собственно наименованием ворот: см. *Berman D.W.* ‘“Seven-Gated” Thebes and Narrative Topography in Aeschylus’ *Seven Against Thebes* // *QUCC* 71, 2002. – P. 88.

⁵ Работы на этом холме вели Керамопулос, Фараklas и Спиропулос. Сводные результаты исследований см. *Semyonoglou S.* Op. cit. – P. 273–274. Наибольший интерес вызывает крупное погребение Среднеэладского периода. По-

интегрировать в текст миф об основании Фив, отличный от мифа о Кадмее. На наш взгляд, это весьма сложная гипотетическая версия и естественнее предположить, что Эсхил прямо указывает на точное место ворот с северной стороны Кадмеи. Даже если Берман прав, то не следует исключать прямое указание на ворота, скорее логично предположить, что отсылка к мифу об Амфионе и Зете являлась дополнительной целью Эсхила, в то время как верхний пласт понимания текста оперирует к конкретному месту расположения ворот.

Единственное название ворот, как мы считаем, которые действительно могли в драматургических целях придумать Эсхил и за ним Еврипид – это название Седьмые ворота (но это не значит, что ворот не было семь). Здесь аргументы Бермана кажутся нам вероятными¹. Эти ворота могли не привязываться авторами к конкретному месту Фив, но перенести зрителя в драматически значимую плоскость.

Таким образом, мы считаем, что Фивы микенского времени действительно могли иметь семь ворот². Интересно, что Берман пришел к тому, что, вероятно, миф об основании Фив Амфионом и Зетом, который содержится в Одиссее (11.260–5), имеет корни в микенском периоде. Этот миф сфокусирован на фортификации и уже использует наиболее известный эпитет Фив – «семивратные» (ἑπτάπυλος)³.

Но как вся эта эпическая традиция, имеющая корни в микенском времени, дошла до архаического и классического периодов после коллапса микенского общества ок. 1200 г. до н.э. и последующие «Темные века»? Есть ли какие-либо реальные индикаторы того, что эта традиция все еще жила в период после 1200 г. до н.э.? Учитывая, что после

гребение было разграблено еще в древности. Известно, что оно было более 2 м длиной и перегорожено с трех сторон плитами, с четвертой – северной стороны было две плиты, но они не были найдены in situ, поскольку были перемещены грабителями. Также не in situ была найдена большая плита из черного известняка, несомненно, крышка. Костные остатки были скудны, чтобы предположить количество погребенных, но Спиропулос по двум впадинам в породе, которые могли использоваться для приношений, предположил, что погребенных было двое. Это монументальное погребение и вполне вероятно, что это знаменитая могила Амфиона и Зета, которую видел Павсаний (Paus.9.17.4,7). Кроме того, здесь известно два или три погребения микенского времени.

¹ Ibid. P. 90–91, 95.

² Возможное местоположение ворот, привязанное к современной топографии города, представлено на рисунках 1 и 2.

³ Berman D.W. Cities-Before-Cities: 'Prefoundational' Myth and the Construction of Greek Civic Space // Myths on the Map: The Storied Landscapes of Ancient Greece / ed. G. Hawes. – Oxford, 2017. – P. 37. Cf.: Berman D.W. The Double Foundation of Boiotian Thebes // TAPhA 134, 2004. – P. 1–22.

разрушения дворцов исчезло линейное письмо Б и Греция погрузилась в бесписьменный период, необходимо обратиться к данным вазописи. В VIII–VII вв. до н.э. появляется вазопись несущая изображение гомеровских сюжетов и часть ранних надписей на вазах позднегеометрического и архаического стиля алфавитным письмом, имеют отношение к эпической традиции¹. Такое положение не могло сложиться неоткуда. Логично предположить, что на это напрямую повлияла гомеровская традиция VIII–VII вв. до н.э., однако в ней четко прослежены микенские корни. Есть ли вазопись, изображающая сюжеты, схожие с гомеровскими или с традицией, связанной с «Семеро против Фив» (изображение воинов или войска, которое отправляется в поход, воины возвращаются с добычей или идут со своей поклажей) в период с 1200 по 1050 г. до н.э.? Для этого надо проследить изображение на керамике Позднеэлладского III Ц периода. Существует знаменитый кратер, именуемый «Вазой воинов», найденный в Микенах на руинах одного из зданий за кругом гробниц А, датируемый Позднеэлладским III Ц ранним периодом (1180–1150 гг. до н.э.)². На нем изображены шесть воинов с щитами, копьями, поклажей и в шлемах, идущие в поход, а женщина с поднятыми руками машет им на прощание. На наш взгляд, это сюжет вероятной эпической традиции микенского времени или той традиции, которая была использована в эпической традиции позднегеометрического – архаического периодов. Мы не можем сказать, куда они направляются, но и Фивы не могут быть исключены. Письменности уже нет, административного класса тоже, но память об организованном микенском обществе и воинах жива. Проходит еще немного времени и вазопись деградирует, но подобный сюжет остается. Так, в музее Микен под номером 1477 хранится фрагмент с изображением воинов, хоть примитивизация и очевидна. Этот фрагмент также относится к Позднеэлладскому III периоду, но датировать его, видимо, стоит несколько более поздним временем, ближе к 1150–1100 г. до н.э. Однако это Микены, а что

¹ О самых ранних надписях см.: Powell B.V. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. – Cambridge, 1991. О надписях на керамике см.: Osborne R., Pappas A. *Writing on archaic Greek pottery // Art and Inscriptions in the Ancient World / Eds. Z. Newby, R. Leader-Newby*. – Cambridge, 2007. Весьма любопытный экземпляр надписи, связанной с эпической традицией представляет «Кубок Нестор», найденный в Питекуссах – см.: Murray O. *Nestor's cup and the origins of the symposion // Apoikia: Scritti in onore de Giorgio Buchner, AION ns 1, 1994*. – P. 47–54; Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 BC. Second edition*. – London/New York, 2009. – P. 77–79.

² Хранится в Национальном археологическом музее в Афинах под номером 1426.

Рис. 3. Фрагменты кратера Позднеэлладского III Ц периода, найденного при раскопках 2014 г. под руководством Аравантиноса в Кадмее. Aravantinos V. *Ἀνασκαφή μυκηναϊκοῦ ἀνακτόρου Θηβῶν* // ΠΑΕ 2014. Athens, 2016. Fig. 5.

же Фивы? Имеются ли здесь фрагменты керамики с подобными сюжетами Позднеэлладского III Ц периода?

В Кадмее в 2014 г. при раскопках под руководством Аравантиноса были найдены фрагменты кратера Среднего Позднеэлладского III Ц периода, что датируется около 1150–1100 гг. до н.э. (рис. 3). На склеенных фрагментах сосуда изображены воины в движении, вероятно, возвращающиеся после сражения, быть может, из разграбленного города, как и на кратере, возможно, той же мастерской, что и из микенского слоя святилища в Калаподи Фтиотидской. Мужчины вооружены длинными мечами, а на плечах несут военную добычу в мешках, повешенных на палки для переноски тяжестей. По мнению Аравантиноса, сцены вызывают в памяти описания эпоса и воспроизводят «воинское» мировоззрение, что и сосуды того же времени из кино, на побережье восточной Локриды¹.

Как мы видим, континуитет сюжетов вазописи с эпическими мотивами прослежен в 1200–1100 гг. до н.э. в Микенах, Фивах, Калаподи и в кино. Затем эти сюжеты вновь обретают мощь в позднегеометрическом и архаическом искусстве. На наш взгляд, это подтверждает устную традицию, которая отделяет микенскую эпоху от гомеровского времени. Как и через кого она могла передаваться?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует проследить континуитет элит от микенского времени до гомеровского периода. Гомер упоминает термин *басилевс* (βασιλεύς), который также имеет корни в микенском обществе. Только если у Гомера *басилевс* – фигура очень высокая, чуть меньшая по статусу, чем царь (например, какое-то количество *басилевсов* было на Итаке, которой правил Одиссей (Hom. Od. 1, 394–395)), то в микенском обществе *qa-si-re-u* играл гораздо

¹ Aravantinos V. *Ἀνασκαφή μυκηναϊκοῦ ἀνακτόρου Θηβῶν* // ΠΑΕ 2014. – Athens, 2016. – P. 51; Έργον 2014. – Athens, 2015. – P. 29–30.

меньшую роль, как, например, глава кузницы или своего рода местный бигмен¹. Таким образом, можно предположить, что когда произошел коллапс микенского общества, был уничтожен правящий и административный класс, но менее статусные служащие, типа qa-si-re-u, на местах могли сохраниться. В последующий период они могли занять руководящую позицию в обществе и они желали легитимизироваться, видеть себя потомками того, прежнего, героического микенского воинского общества. Это обстоятельство тем более вероятно, учитывая, что, как отмечает Аравантинос, раскопки выявили постдворцовые погребения, которые были найдены в камерных гробницах вокруг Кадмеи, что были связаны с повторным использованием более ранних гробниц как мест памяти и/или поклонения первым погребенным. Вполне вероятно, продолжает Аравантинос, что подобное отношение может означать намеренную приверженность или даже возвращение к дворцовым традициям, что представляет заявление прямого наследования микенским предкам².

Итак, мы установили, что в ряде мест Греции, включая Фивы, мог существовать континуитет с микенским временем, который нитью через «Темные века» и греческий «Ренессанс» VIII в. до н.э. протянулся в архаическое и классическое время. Это выразилось как в аристократической легитимации, культовой составляющей, так и в эпической традиции, воспоминания о которой вошли в трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида. В произведениях этих авторов, особенно у Эсхила и Еврипида была указана микенская топография Фив, где подчеркивается фортификация Кадмеи с семью воротами, которые, на наш взгляд, могли реально существовать в микенское время. Несмотря на сложную ситуацию с соотношением вариантов наименования некоторых ворот с их точным местоположением, современный уровень знаний позволяет локализовать некоторые из них, причем в конкретном случае (раскопки Аравантиноса 1984 г.) установить точное микенское местоположение ворот.

Эта память о микенских временах в классический период, по нашему мнению, являлась частью образовательной системы для широкой аудитории, что могла наслаждаться аттическими трагедиями. В разобранных нами упоминаниях из аттических трагедий отразилось также городское образовательное пространство Фив, где фиванцы знали свои монументы и культовые места, включая статус-

¹ Chadwick J. *The Mycenaean World* / Cambridge University Press. – Cambridge, 1976. – P. 70; Palaima T.G. *Linear B* // *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean* / ed. Eric H. Cline. – Oxford, 2010. – P. 367.

² Aravantinos V. *Forthcoming. Old Memories vs New Trends in Postpalatial Thebes.*

ные погребения, в том числе среднеэлладского и микенского времен. Аттические трагедии переносили эти знания на более широкую аудиторию. Причем такая образовательная система не потеряла свою актуальность даже в эллинистический период и римское время, превратившись скорее в письменную традицию для становления интеллектуалов. Из работы крибиори можно заключить, что чтение таких произведений, как например, «Финикиянки» Еврипида, для греков эллинистического и римского периодов было способом культурной самоидентификации, а мир обучающегося определялся такими границами, как реки Исмен, Скамандр или источник Дирке, причем в большей степени, чем реальной страной, в которой он жил¹.

¹ Cribiore R. The Grammarian's Choice: The Popularity of Euripides' Phoenissae in Hellenistic and Roman Education // Education in Greek and Roman antiquity / ed. Yun Lee Too. – Leiden, Boston, Koln, 2001. – P. 246–247.